

Болезнь Тан Фана длилась полмесяца.

И за это время Суй Джоу осознал, насколько популярным человеком тот был.

Одни те, кто вместе с Тан Фаном сдавали Императорский экзамен, чего стоили! Большинство из них, правда, уже давно служили в других провинциях, в то время как остальные, самые даровитые, до сих пор повышали квалификацию в Императорской академии, что было весьма почетно и престижно – не все же были такими «дураками», как Тан Фан, который так спешил покинуть ее стены.

За эти полмесяца навестить Тан Фана один за другим пришло где-то четыре или пять соучеников, в том числе и победитель Императорского экзамена того года – Се Цянь.

Уже немало! В конце концов, Тан Фан не был какой-то знаменитостью или всеобщим любимчиком. Чиновники столицы были небогаты, а тем, кто был с Тан Фаном не слишком близок, пришлось бы потратиться ему на подарок. И конечно, если они не могли себе этого позволить, то просто не навещали его, отправив письмо с пожеланием скорейшего выздоровления.

Не стоит забывать и про префектуру Шунтянь, в которой Тан Фан работал. Заместитель магистрата Вэй У с инспектором Ду Цзяном также пришли навестить его и передать добрые пожелания от господина Старшего магистрата, служащего префектуры Лао Вана и некоторых других.

Из Северного Двора приходили знакомые Тан Фану Сюэ Лин с Пан Ци.

Конечно, эти двое просто обязаны были явиться, памятуя о дружбе между Суй Джоу и Тан Фаном. Хорошие отношения с другом начальника могли сыграть им на руку, так что их мотивы были слишком очевидны.

Однако Лао Сюэ был большим юмористом и любил поболтать, чем сильно отличался от своего начальника. За то время, пока он сидел у них, смех в комнате Тан Фана не прекращался ни на минуту. Но из-за болезни Тан Фан сильно охрип и кашлял, как крякающая утка, каждый раз как смеялся, что немного омрачало всеобщее веселье. К тому же Суй Джоу постоянно сверлил гостей холодным взглядом, как будто те мешали Тан Фану выздоравливать. В конце концов, Сюэ Лин не выдержал, поспешно передал Тан Фану подарок и убежал, прихватив с собой Пан Ци.

И последним, о ком не стоит забывать, был Командующий Ван из Западной Ограды.

Сам Командующий Ван, скорее всего, сейчас был занят борьбой с придворными чиновниками из-за своей северной экспедиции и поисками лиц, вступивших в сговор с Фу Ру в последнем деле Восточного Дворца. Однако все это нисколько не мешало ему время от времени присылать к Тан Фану своих подчиненных.

Если бы Тан Фан был чиновником Шести Министерств, членом Кабинета Министров или просто важной шишкой при Дворе Императора, от желавших навестить его отбою бы не было. Однако он оставался лишь мелким чиновником шестого ранга, так что те, кто приходил к нему в гости, либо хотели наладить с ним хорошие отношения, либо просто желали бескорыстно навестить его как друга.

Все это доказывало, насколько популярным человеком был Тан Фан.

Люди из Западной Ограды приходили навестить Тан Фана по приказу Командующего и каждый раз приносили с собой подарки. Однако, глядя на необычайно холодное лицо Суй Джоу, Тан Фан раздумывал над тем, что Командующий Ван таким образом намеренно пытался разозлить хозяина дома.

Подумав об этом еще раз, он не смог припомнить никаких причин для личных обид между этими двумя. Могло ли это происходить лишь из-за того, что Западная Ограда и Императорская Стража ненавидели друг друга?

Решив так, Тан Фан при первом удобном случае предложил Суй Джоу:

— Может, мне найти себе новый дом и переехать, не дожидаясь выздоровления?

Не ожидавший этого вопроса, Суй Джоу нахмурил брови:

— С чего вдруг?

— Мы хорошие друзья, и ты позволил нам с А Дун жить тут бесплатно, однако это все-таки твой дом, а мои друзья и коллеги без конца ходят тут туда-сюда. Некрасиво вышло. Они наверняка мешают тебе...

— Не мешают, - ответил Суй Джоу.

Тан Фан хотел добавить что-то еще, однако Суй Джоу перебил его, задав совершенно неожиданный вопрос:

— А кто для тебя Ван Джи? Друг или коллега?

Тан Фан немного опешил:

— Ни тот, ни другой?

— Что это значит? - пришел черед Суй Джоу удивляться.

— Друзья честны друг с другом, - улыбнулся Тан Фан, - искренно друг к другу относятся и стоят друг за друга горой. Если бы мы с Ван Джи действительно были друзьями, проблем было бы намного меньше. Смотри, я сейчас живу в твоём доме, на всем готовеньком. Вели мне пожить в доме Ван Джи - я определенно откажусь.

Отношениями между евнухами и чиновниками в те времена никого было не удивить, однако они могли иметь и негативные последствия. Если бы на месте Ван Джи был Хуай Энь, в этом бы не было ничего плохого, а вот такой человек, как Командующий Ван, которого было сложно однозначно назвать плохим или хорошим, мог с легкостью подпортить репутацию тех, с кем имел дело. А в официальных кругах с подмоченной репутацией никуда. Суй Джоу задал этот вопрос именно потому, что в прошлый раз стал свидетелем их необычайной близости.

Видя, что Тан Фан размышляет вполне здраво и рационально, он удовлетворенно кивнул:

— Тогда больше не говори о переезде. Ни сейчас, ни после.

— Но... – неуверенно проговорил Тан Фан.

— Если ты не против, с сегодняшнего дня это будет и твой дом тоже, – ответил Суй Джоу.

Тан Фана тронули эти слова.

Суй Джоу похлопал его по плечу:

— Хоть мы с тобой и не так давно знакомы, глубина дружбы не зависит от ее длительности. Достаточно понимать друг друга – и уже друзья. Ты рожден для великих дел, не стоит тратить силы по пустякам. Если переедешь, придется беспокоиться об арендной плате и других мелочах. Не лучше ли остаться и спокойно жить здесь? Ближайшие несколько лет я не собираюсь жениться. Тебе не о чем беспокоиться. Кроме того, благодаря занимаемой мной должности, нам не страшны грабители. Если ты останешься здесь, мне будет спокойнее.

На самом деле, Байху Суй не был лишен дара красноречия. Он просто не любил много говорить. Так что его слова были во сто крат убедительнее, чем слова самого бойкого на язык человека.

Господин Тан был так тронут, что аж растерялся. Язык у него всегда был подвешен весьма неплохо, но теперь он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не знает, что ответить.

Воспользовавшись его замешательством, Суй Джоу сунул ему в руки лекарство. Господин Тан, переполняемый чувством героизма и братского единения, принял чашку, не задумываясь, и одним глотком осушил ее.

А затем ужасно скривился.

«Какого черта... Суй Гуанчуань, ты меня обманул!»

Глядя на его укоряющее выражение лица, Суй Джоу еле заметно улыбнулся, забрал пустую чашку и протянул ему османтусовую конфету, будто какой-то зверушке.

Сердито хмыкнув, Господин Тан отвернулся, всем своим видом демонстрируя, что не оценил его поступка.

Суй Джоу не настаивал. Он поднял руку и отправил османтусовую конфету прямо себе в рот.

Тан Фан: «...»

Стоило Суй Джоу уйти, как прибежала А Дун.

— Братец, к тебе снова кто-то пришел.

В последнее время Тан Фана навещало так много людей, что он чувствовал себя даже более уставшим, чем когда ему приходилось ходить на работу. Услышав это, он тотчас ответил:

— Скажи, что я выпил лекарство и уснул. Попроси представиться и передай, что я как-нибудь зайду поблагодарить его.

А Дун согласно кивнула и уже собиралась уйти, как посетитель, не выдержав, зашел в комнату.

Раздался недовольный голос:

— Жунцин, какой ты нехороший! Ты же вовсе не спишь!

Тан Фан: «...»

«Господин, ты играешь не по правилам! Как можно без спроса врывать в чужую комнату?!»

Пань Бинь был все еще облачен в свое официальное платье. Заметив замешательство и недоумение на лице Тан Фана, он примирительно замахал рукой:

— Ладно-ладно! Я пришел сегодня, так как мне нужно кое-что обсудить с тобой!

— Старший соученик, — беспомощно пробормотал Тан Фан, — через пару дней я вернусь на работу в префектуру. Неужели это не может подождать до тех пор? Ты уже и так отправил ко мне Вэй У с Ду Цзяном. Зачем было лично приходить? А Дун, пожалуйста, принеси господину чаю. Это господин Пань, старший магистрат префектуры Шунтянь и наш начальник!

А Дун была человеком простым. Всемогуший Командующий Ван не произвел на нее особого впечатления. Но услышав слово «начальник», она обомлела и долго разглядывала Пань Биня, будто тот был какой-то неведомой зверушкой, а затем, громко топая, выбежала из комнаты заваривать чай.

Пань Бинь не обратил на А Дун никакого внимания. Он сел на стул около кровати и встревоженно проговорил:

— Жунцин, у нашего учителя проблемы!

Тан Фан опешил и тотчас спросил:

— О чем ты?

Их учителем был Цю Цзюань, который в то время занимал должность главы Императорской академии.

— На днях Ван Джи подал прошение о возвращении Хэтао. Ты знаешь об этом? — принялся рассказывать Пань Бинь.

Тан Фан кивнул. Он не только знал об этом, он даже обсуждал это прошение с Ван Джи лично.

— Слышал, весь Двор был против, — продолжал Пань Бинь. — Даже Его Величество, который благоволил Ван Джи, отклонил его предложение. Однако Ван Джи не сдался. Два дня назад пришли известия о вторжении татар на север. И Ван Джи снова подал прошение с просьбой отправить его разобраться с ними.

В это время кто-то принес чай и подал его Пань Биню.

Пань Бинь не глядя принял чашку и сделал глоток, а затем, случайно подняв глаза, закашлялся и чуть не выплюнул чай обратно.

Тем, кто принес ему чай, была не маленькая девочка, которую он только что видел, а облаченный в форму Императорской Стражи Суй Джоу!

Байху Суй, одетый в светло-оливковое платье с летучей рыбой, стоял посреди комнаты с мечом на поясе. Стоило Пань Биню взглянуть на него, как волосы у старшего магистрата префектуры Шунтянь на голове встали дыбом, и на месте усидеть не получилось.

Он занимал положение намного более высокое, чем Суй Джоу, однако быстро поднялся и натянуто улыбаясь проговорил:

— Брат Суй, верно? Жунцин много рассказывал о тебе. Сегодня наконец удалось с тобой увидеться. Поистине, выглядишь просто великолепно!

Суй Джоу кивнул и опустил поднос на столик:

— Вы продолжайте. Мне нужно в Северный Двор.

Было видно, что он не особо высоко ставил Пань Биня. Однако перед его лицом Пань Биню казалось, что так и должно быть и что в этом нет совершенно ничего странного.

— Конечно-конечно, иди-иди! – продолжал повторять он.

Сделав пару шагов к выходу, Суй Джоу внезапно остановился и обратился к Пань Биню:

— Господин, Жунцин только что выпил лекарства. Боюсь, вскоре он заснет.

Подразумевал он под этим: «Не болтайте слишком долго».

Пань Биню ничего не оставалось, кроме как с застывшим лицом повторять: «Конечно-конечно-конечно!»

Только когда Суй Джоу ушел, Пань Бинь смог вздохнуть с облегчением. Немного успокоившись, он почувствовал неловкость из-за своего поведения.

Однако у него были дела и поважнее:

— На чем мы остановились?

— Ван Джи подал прошение с просьбой отправить его во главе войска, – напомнил Тан Фан.

— Точно-точно, – пробормотал Пань Бинь. – Большая часть Двора против войны, однако есть и те, кто поддерживают Ван Джи. В результате началась борьба. Так-то это не наше дело, но Его Величество, кажется, смягчился и собирается одобрить поход Ван Джи. И теперь группа придворных подала жалобу на Ван Джи, в которой говорится, что тот, жаждущий славы и подвигов, движимый эгоистичными мотивами, желает развязать войну и опустошить казну

Большой Мин. А еще в ней говорится, что Ван Джи – евнух, и вмешавшись в дела военные, наломает дров, как Ван Чжэнь, и повторит его ошибки...

Он сказал еще много чего, однако так и не дошел до сути, но Тан Фан слушал его, не перебивая.

Потому как благодаря словам Пань Биня он мог понять, как на данный момент обстоят дела при Дворе.

Ван Джи возглавлял Западную Ограду и пользовался благосклонностью Императора и Благородной наложницы. Он был как краб: куда бы ни пошел – везде задевал интересы Дворцовых чиновников. Он даже в дело князя Ву Аня нос сунул – вмешался в дела знати. И отовсюду выходил абсолютно невредимым, что делало его в глазах окружающих просто непобедимым.

Однако, на самом деле, он был не так уж и непобедим и страдал от многих ограничений.

В первую очередь эти ограничения накладывал на него сам Император.

С основания династии время правления Чэнхуа было самым странным.

Почему же?

Потому что Император не желал выполнять свои обязанности, а члены Кабинета Министров были недостаточно сильными, чтобы отстранить Императора от дел и взять на себя ответственность по восстановлению страны. Каждый из них стремился лишь заручиться поддержкой Императора с Благородной наложницей и плыть по течению.

Так что Император до сих пор руководил всеми государственными делами.

А Император на то и Император, чтобы мыслить как Император. Он покровительствовал таким людям, как Ван Джи, Шан Мин и Ван Тун, которые противостояли гражданским чиновникам, тем самым поддерживая политику противовеса, которую так любили многие императоры прошлого.

Однако Император Чэнхуа был не особо сильным человеком, так что его постоянно мотало из одной стороны в другую.

Так было и на этот раз: сначала он не хотел идти на войну, а потому отклонил прошение Ван Джи о возвращении Хэтао.

Министры держали нос по ветру и выступили против Ван Джи.

Но, как Ван Джи и предсказывал, Император внезапно начал мечтать о славной победе. Где вы видели императора, который не желал бы расширить собственные владения?

Так что он начал сомневаться.

Некоторые высокопоставленные чиновники, что во всем соглашались с Императором, отреагировали молниеносно и тотчас сами начали принимать сторону Ван Джи, однако другие

остались при своем и продолжали противостоять ему.

Кроме того, с тех самых пор, как Император Инцзун был захвачен в плен, Двору недоставало прежней уверенности в собственных силах. Стратегия «Не рискуй» пользовалась наибольшей популярностью при Дворе, так что большинство предпочло бы войне мир-любой-ценой.

Все привыкли к тихой, размеренной жизни и боялись, что гнев татар приведет ко второй Тумунской катастрофе.

Конечно, были и честные люди, которые не желали видеть у власти евнухов вроде Ван Джи, или в принципе были против войн, так что также выступили против этой идеи.

К таким честным людям относился и учитель Тан Фана с Пань Бинем, Цю Цзюань.

Хоть Цю Цзюань и не был цензором, он также имел право направлять Императору жалобы. Он выступал против военного похода, и против Ван Джи в частности, так как считал, что Ван Джи подговаривает Императора развязать войну лишь ради военных заслуг.

Впрочем, так оно и было.

Два дня назад Император Чэнхуа наконец согласился на предложение Ван Джи. Он назначил Левого прокурора Цензората на пост военного адмирала и даровал ему титул Министра военных дел, графа* Бао Чжюна сделал заместителем командующего, а Ван Джи – военным инспектором. Им было велено вести войска к Хэтао, занять наблюдательную позицию и в случае набегов врага поступать по собственному усмотрению.

«Наблюдательная позиция» – слишком мягкое выражение, так как на самом деле этим указом Император буквально развязал Ван Джи руки и дал согласие на боевые действия.

В любом случае, Император далеко, а Ван Юэ (генерал тамошний, видать) давно точил свой клинок в ожидании битвы. Им с Ван Джи даже не нужно было вступать в сговор – они уже могли делать абсолютно все, что им вздумается.

Однако возникла одна проблемка. Видя, что Император передумал и что доказывать ему что-то бессмысленно, противники Ван Джи предпочли благоразумно заткнуться. Только Цю Цзюань продолжал настойчиво строчить жалобы Императору, причем с каждым разом они становились все более и более агрессивными. В последних он опустил до откровенных оскорблений в адрес Ван Джи, что не могло не вызвать гнева Императора, который одним взмахом руки велел старику собирать вещи и убраться в Нанкин, где выделил ему должность.

Дойдя до этого момента, Пань Бинь вздохнул:

— Как видишь, наш учитель непреклонен. А он даже не цензор! На что он надеялся, вмешиваясь в это дело? Почему не сиделось тихо в Императорской академии? Теперь придется тихо сидеть в Нанкине! Заместитель главы Министерства доходов, повышение на ранг – только звучит неплохо. Все знают, что в Нанкин отправляют доживать годы до пенсии! Поедет туда – и больше не вернется в Пекин!

Император Юнлэ перенес столицу в Пекин вместе со всем Императорским Двором, однако в Нанкине существовали собственные Шесть Министерств, и вообще город до сих пор считался второй столицей Империи с одной лишь разницей, что министерства эти не могли распоряжаться финансами и самостоятельно назначать чиновников выше восьмого ранга – существовали просто ради галочки, для красоты.

Так что в Нанкин чаще всего отправляли либо заслуженных пожилых чиновников, которые были не в состоянии больше тяжело трудиться и которых Императору не хотелось отправлять в отставку, так что приходилось содержать в достатке на старости лет, либо таких, как господин Цю, который впал в немилость Императора и был отправлен туда кормить комаров.

Эти чиновники получали жалование и не работали, соответственно были абсолютно лишены власти. Сидеть в полупустых ямзанах – все равно, что раньше времени выйти на пенсию.

По сути, назначение в Нанкин было равносильно концу политической карьеры, так как шансы на возвращение в столицу были практически нулевыми.

Иначе зачем Пань Бинь в такой спешке бросился искать Тан Фана?

Тан Фан чувствовал себя несколько виноватым в произошедшем.

Ведь это именно он убедил Ван Джи составить новое прошение Императору. Так что, даже если он не был «главным виновником» или «сообщником», в конечном счете он был одним из тех, кто выкопал яму для своего учителя.

— Почему бы тебе не уговорить учителя составить новое прошение Императору, в котором он признал бы свои ошибки и покался? Его Величество мягкосердечен, поэтому непременно простит учителя. Учитель ценит тебя больше остальных учеников, так что твои слова окажут на него большее влияние, – предложил Пань Бинь Тан Фану.

— Ты же знаешь учителя, – покачал головой Тан Фан. – Если бы он был тем, кого заботит мнение окружающих, с его-то знаниями и опытом он не оставался бы до сих пор лишь главой Императорской академии.

Услышав эти слова, Пань Бинь совсем поник. В официальных кругах учитель ученикам был как отец родной. Учитель должен был заботиться о своих учениках. Как так вышло, что у них все было наоборот?

Он мог сколь угодно ворчать на то, что старик Цю доставляет им слишком много хлопот, однако тот по-прежнему был его учителем, так что Пань Бинь обязательно сделал бы все, что в его силах, чтобы помочь ему.

Тан Фан чувствовал ужасную вину. Он не ожидал, что это дело выйдет его учителю боком.

— Давай так, – обреченно проговорил он, – завтра я схожу к учителю и попытаюсь переубедить его. Посмотрим, что из этого выйдет. Хорошо?

— Хорошо! – Пань Бинь немного воспрял духом. – Я пойду с тобой. Не могу просто стоять и смотреть на весь этот фарс с его якобы повышением.

У Цю Цзюаня было много научных достижений. Впрочем, и учеников было немало.

Некоторые, вроде Пань Биня, были его учениками с тех пор, как он сдал Императорский экзамен, другие просились к нему в ученики, так как восхищались его знаниями. Третьи же, такие как Тан Фан, произвели на него столь неизгладимое впечатление, что он сам пригласил их стать его учениками.

Среди всех его учеников самыми успешными на сегодняшний день были Пань Бинь и Тан Фан.

Однако по характеру все трое были совершенно разными личностями.

Цю Цзюань был твердым и упрямым. Совершенно не умел идти на уступки.

Пань Бинь был гибким и изворотливым, даже слишком изворотливым, и легко шел на компромисс.

Один лишь Тан Фан был верен своим принципам, но одновременно с этим способен улавливать изменения в мире и подстраиваться под них. Он был по-благородному мягок, и в одинаковой степени тверд и гибок.

Цю Цзюань был неидеален, но он прекрасно видел свои недостатки, а посему так восхищался характером своего младшего ученика. Он предложил Тан Фану стать его учеником, так как по почерку и эссе определил его натуру и тонкий ум.

Именно поэтому Тан Фан смог сделать выводы о личности маленького принца по его сочинению. Он научился этому у своего учителя.

Ранг Тан Фана был слишком низким, так что никто бы не обратил внимания на его прошения Императору о помиловании учителя. Пань Бинь все еще был чиновником четвертого ранга, так что вполне мог отправить прошение, однако оно, скорее всего, просто затерялось бы в куче других прошений и возможно даже пошло бы на подставку для ног какому-нибудь министру Кабинета.

В конце концов старик Цю был сам виноват во всем, что произошло, и ученики были не в силах ему помочь. Если старик Цю продолжал упорно стоять на своем, никакая ученическая любовь и никакие прошения были не в силах спасти его.

Как и договаривались, рано поутру эти двое встретились и отправились в особняк Цю Цзюаня.

Люди семьи Цю всюю собирали вещи и готовились к переезду в Нанкин. Хотя они и решили попытаться уговорить его, и Пань Бинь, и Тан Фан в глубине души прекрасно понимали, что упрямый старик Цю никогда не изменит своего решения.

Приближалась зима. На севере наступали холода и сухость, тогда как на юге было тепло и дождливо. Пань Бинь принес учителю пару бутылок целебного вина от ревматизма, а Тан Фан прихватил с собой сладости для детей семьи Цю, а также купил немного лекарств, которые могут пригодиться в дороге.

Цю Цзюань был очень рад их видеть, поэтому велел принести чаю и пригласил их присесть.

Однако узнав об их намерениях, тотчас потерял к ним интерес.

— Не нужно говорить мне об этом, – отмахнулся он. – Я не передумаю. Евнух, который ничего не смыслит в военном деле, поведет войска на север, чтобы кое-как повоевать, а затем, когда все кончится, просто отрубят пару голов, чтобы выслужиться – тоже мне, новости! Тумунская катастрофа еще свежа в памяти, однако Его Величество позабыл урок, полученный прежним Императором. Эх! Неужели Пекину нужно столкнуться с еще одной осадой, чтобы Его Величество наконец понял?

Научные достижения не имеют ничего общего с характером и типом личности.

Цю Цзюань был прекрасно образован, что не мешало ему, однако, быть чрезвычайно вспыльчивым человеком. Если уж он принял какое-то решение, никто был не в силах переубедить его.

Пань Бинь подмигнул Тан Фану.

— Учитель, ученику нужно тебе кое-что сказать. Не знаю, уместно ли это будет, – начал Тан Фан издалека.

Цю Цзюань внимательно посмотрел на него и с насмешкой проговорил:

— Что это ты тут передо мной строишь? Говори, коли есть, что сказать.

Тан Фан в ответ рассмеялся, а затем, внезапно посерьезнев, продолжил:

«Со времен Императора-основателя евнухи занимают важные посты. Не будем говорить о таких, как Чжэн Хэ, Хоу Сянь и другие. На сегодняшний день есть Хуай Энь, который также является верным и праведным человеком. Возвышение евнухов Императором – это уже закономерность. И этого не изменить, даже история с Ван Чжэнем не послужила уроком. Император доверяет евнухам больше, чем чиновникам. Это факт.

Возьмем, к примеру, Его Высочество наследного принца. Он скитался по дворцу и выжил лишь благодаря дворцовым слугам. Заняв трон, он конечно же станет доверять евнухам. Так уж устроен человек.

Евнухи неизбежно будут находиться у власти, и мы не сможем этого изменить. Если не Ван Джи, то кто-нибудь другой. Да, учредив Западную Ограду, Ван Джи арестовал и сгноил в тюрьме немало чиновников. Однако кто из них был не без греха? Так что он уж точно лучше Восточной Ограды. Западная Ограда сдерживает Восточную. Так что та не смеет нагнать. У Ван Джи есть свои достоинства.

Кроме того, после Тумунской катастрофы мощь Великой Мин ослабла. В прошлом мы не боялись развязать войну, однако теперь страшимся ответить на откровенные провокации. Если так будет продолжаться, если будем, как черепаха, что прячет голову в панцирь, убегать от битвы, враги осмелеют, а соседи решат, что мы слабы.

Поэтому ученик считает, что северная экспедиция Ван Джи действительно необходима. Учителю не стоит губить свое здоровье, гневаясь по поводу нее».

Он считал, что доступно все объяснил и что Цю Цзюань, если не согласится с ним, то хотя бы хоть чуть-чуть успокоится.

Кто же знал, что лицо Цю Цзюаня потемнеет. Когда Тан Фан закончил свою речь, тот покачал головой и холодно проговорил:

— Жунцин, я в тебе разочарован. Я надеялся, что если ты не подал прошения против этого безобразия, то хотя бы не встанешь против меня. Разве я мог подумать, что ты примешь сторону Ван Джи? Ты еще смеешь называть себя гражданским чиновником?! Да, евнухи у власти – это обычное дело. Император-основатель подал дурной пример. Однако взгляни на последние события: разве близость с евнухом может пойти на пользу? У Ю Цзыцзюна хорошие отношения с Хуай Энем, но даже он не смеет распространяться об этом и в открытую защищать его! Ты действительно превзошел своего учителя! Такой перспективный! – чем больше он говорил, тем сильнее распалялся: – Ты же знаешь, что на данный момент у страны не хватает сил. Мы не можем вести войну, даже если захотим. Без еды для солдат и фуража войска и с места не сдвинутся! На это нужно очень много денег. Думаешь, казне хватит средств? Ты так просто говоришь о войне! Не зря говорят: «Пригласить божка легко, а вот отделаться – попробуй!» Стоит развязать Ван Джи руки, как он тотчас кучу народа загубит, чтобы выслужиться!

Пань Бинь не ожидал, что его младший соученик не только не успокоит учителя, но лишь подольет масла в огонь.

— Успокойтесь, успокойтесь! – тотчас проговорил он.

Однако Цю Цзюань и не думал останавливаться:

— Жунцин, с твоими талантами, если бы ты хоть немного усмирил гордыню и просто хорошо учился, то мог бы стать известным ученым. Но вместо этого ты покинул тихую Императорскую академию и направился во внешний мир. Слышал, недавно во Дворце что-то произошло, и ты оказался замешан. Ты и сейчас продолжаешь общаться с Ван Джи?

Пань Бинь принялся активно подмигивать Тан Фану, чтобы тот промолчал и не злил больше старика.

Тан Фан горько улыбнулся:

— Ничего такого. Просто так вышло, что во время расследования последнего дела я познакомился с Ван Джи. Он знал, что я магистрат в префектуре Шунтянь, поэтому попросил помочь. Вот и все.

О том случае с Восточным дворцом, поскольку дело затрагивало Императорский гарем, было известно лишь то, что младший сын Хань Фана умер, а убийцей оказался его старший сын. И это было весьма печально. Подозрения с Благородной наложницы Ван были сняты, так что о фасолевым супе с лилиями даже упоминать не стали. А что касается остального, то об этом ползло много слухов за пределами дворца, однако они оставались лишь слухами и веры им было мало.

Тан Фан раскрыл это дело и произвел впечатление на Императора с Благородной наложницей, однако о его вкладе в расследование не распространялись, так что и о заслугах его было мало

что известно.

Особенно следует упомянуть Благородную наложницу. Сначала она была в ярости из-за того, что Тан Фан осмелился спросить у нее, не была ли она убийцей, на глазах у всех. После произошедшего она жаловалась Императору, что этот человек слишком легкомыслен и не справится со столь ответственным поручением. Однако затем Тан Фан не только раскрыл дело, но и помог очистить ее имя, что доказывало, что Тан Фан был смелым и талантливым чиновником.

Благородная наложница Ван так долго была у власти, что могла с легкостью не заметить чужих заслуг. Но на этот раз она была в долгу у Тан Фана.

И пока она помнит о том, какую услугу он ей оказал, повышение не заставит Тан Фана долго себя ждать.

К счастью, Цю Цзюань не знал о таких подробностях, иначе, услышав, что один из его учеников чудесным образом добился расположения Благородной наложницы Ван и Ван Джи, он бы наверняка плевался кровью от ярости.

Конечно же Тан Фан не осмелился рассказать ему и о том, что это именно он предложил Ван Джи организовать северную экспедицию, потому что в противном случае он бы точно перестал зваться его учеником.

Но даже так встреча учителя с учениками прошла просто ужасно.

Цю Цзюань был очень разочарован в Тан Фане и Пань Бине. Он решил, что те слишком долго крутились в официальных кругах, так что лишились даже фундаментальных моральных принципов и стали такими же слепцами, как и остальные, что, как бессловесные овцы, следуют за стадом.

Покинув особняк семьи Цю, Пань Бинь принялся ворчать:

— Не нужно было спорить с учителем. Пусть говорит, что хочет. Можно было и промолчать!

— Я тоже не хотел всего этого, – растеряно проговорил Тан Фан. – Я не знал, что учитель не захочет меня слушать.

— Это же учитель! – продолжал Пань Бинь. – Он такой консервативный и упрямый. Был бы чуть более гибким, с его-то знаниями и опытом он бы давно занимал должность повыше простого главы Императорской академии.

Тан Фан молчал.

По правде говоря, встреча с Цю Цзюанем стала для него сильнейшим ударом.

Вокруг было много таких чиновников, как Цю Цзюань, которые настаивали на недопустимости войны, однако они не просто поддакивали Императору.

Они были напуганы Тумунской катастрофой и уже не обладали тем боевым духом, что чиновники времен основания династии Мин. Но разве у страны будет будущее, если весь Двор

состоит из таких чиновников?

Он надеялся, что обладающий столь обширными знаниями учитель сможет понять ход его мыслей.

Однако Цю Цзюань не только не согласился с ним, но и не понял его.

Выйдя на улицу, они разошлись каждый в свою сторону. Пань Бинь не забыл попросить его вернуться завтра на работу, после чего Тан Фан молча отправился своей дорогой, не замечая ничего на своем пути.

Он думал: «Не лучше ли было сконцентрироваться на расследованиях и поменьше лезть в дела Двора?»

Ведь он был лишь мелким чиновником шестого ранга. И вся эта политика была так далека от него. Он бы не усложнил жизни своему учителю и не взвалил на свои плечи столь тяжелой ноши.

Однако другой внутренний голос подсказывал ему, что на самом деле он был прав. Нужно отстаивать свою позицию и не отступать так легко лишь потому, что старшие не согласны с твоим мнением. Как говорится, даже со скромной должностью необходимо помнить о нуждах страны.

Он растеряно брел по улице, когда внезапно услышал позади себя ругань и крики.

Тан Фан, не задумываясь, обернулся и внезапно заметил около самого своего носа кулак!

Послесловие автора:

В реальности Ван Джи трижды совершал походы на север. Однако я изменила год и суть похода. Так что этот поход – выдумка.

Маленький театр:

Суй Джоу: Слышал, в прошлый раз кто-то сказал, что меня выловили из компостной ямы?

Автор, ни капли не задумываясь: Это слова господина Тана!

Суй Джоу: А, тогда ладно.

Тан Фан: ...

Пара слов от беты:

Вот бы нашелся человек, который сказал бы такие слова, мол: «Ты создан для великих дел, поэтому не парься над повседневностью, я сам за тебя всё сделаю, а ты развивайся дальше, угу-угу» - из-за этого мне грустно. СД самая милая булка с корицей.

Примечания переводчика:

Я плакала из-за этих слов СД полдня. То ли от умиления, то ли от горя и зависти ;D

«Ты рожден для великих дел, не стоит тратить силы по пустякам» - распечатаю и повешу в рамочку над кроватью.

«Болезнь Тан Фана длилась полмесяца» - хех) кто там шутил про 15 суток за одиночный пикет? Вы были абсолютно правы)

«Подумав об этом еще раз, он не смог припомнить никаких причин для личных обид между этими двумя» - ахахаха слона-то я и не заметил. Да, Тан Фан? ;D

СД: *просто приносит Пань Биню чай*

ПБ: *ловит инфаркт, инсульт и паническое расстройство*

* - По поводу моих графов и прочих титулов: ребят, я знаю, что таких титулов во времена династии Мин не было. Но я не хочу переводить всех подряд князьями или оставлять слишком часто китайские слова. Так что терпите графов ;D Но если у вас есть идеи - пишите.

Перевод задержался, поскольку глава такая длинная и сложная) И дальше все главы будут примерно такого размера. Так что терпения - и нам, и вам)))

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1544760>